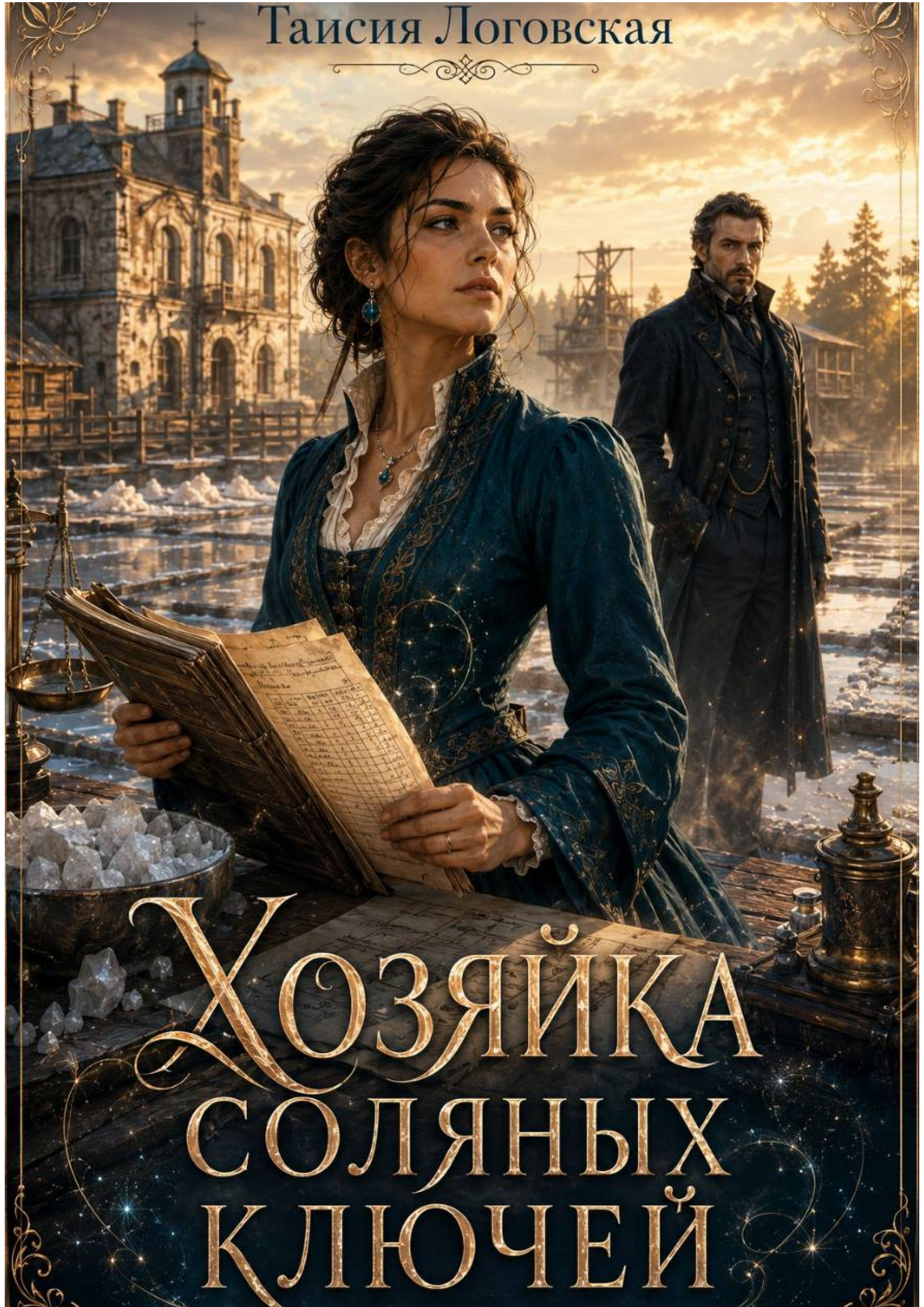

Таисия Логовская

ХОЗЯЙКА СОЛЯНЫХ КЛЮЧЕЙ

Таисия Логовская

Хозяйка соляных ключей

«Автор»

2026

Логовская Т.

Хозяйка соляных ключей / Т. Логовская — «Автор», 2026

В прошлой жизни я руководила пищевым комбинатом и слишком хорошо знала цену красивым обещаниям. В новой мне достались молодое тело, разорённое соляное поместье и родственники, уже выбравшие мне мужа — богатого, пожилого и очень заинтересованного в моих землях. Я потребовала древнее право на сто двадцать дней самостоятельного управления. Если до осенней ярмарки верну долги и заплачу королевский налог, поместье останется моим. Если нет — потеряю землю, людей и право распоряжаться собственной жизнью. Но соляные каналы разрушены, книги учёта лгут, рабочие не верят новой хозяйке, а присланный короной инспектор уверен, что под моими землями проходит путь контрабандистов. Он может закрыть промысел при первой серьёзной ошибке — и становится единственным мужчиной, чья помощь не похожа на попытку присвоить мою победу. Только я уже прожила одну жизнь, в которой слишком долго была удобной. Вторую такую не отдам.

© Логовская Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Горькая вода	5
Глава 2. Девушка, которой не давали действовать	11
Глава 3. Сто двадцать дней	15
Глава 4. Инспектор, который никому не верит	19
Глава 5. Поместье без хозяина	24
Глава 6. Чан, который нельзя зажигать	28
Глава 7. Договор с теми, кому должны	32
Глава 8. Дрова дороже соли	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Таисия Логовская

Хозяйка соляных ключей

Глава 1. Горькая вода

Соль была во рту, в волосах и даже под веками. После падения с горной тропы меня так лечить точно не могли.

Последнее, что я помнила из прежней жизни, — холодный поручень смотровой площадки и ладонь мужа между лопаток. Потом камни ударили в бок, небо перевернулось, а дальше наступила тишина. Судя по всему, вечная жизнь началась неудачно: я лежала на слишком мягкой постели, не могла толком вдохнуть и слышала, как незнакомый мужчина распоряжается моей свадьбой.

— Через три дня, — сказал он. — Граф уже выехал. Переносить обручение второй раз я не позволю.

— Миледи едва не утонула, господин барон, — ответила женщина. — Доктор велел ей лежать.

— Доктор получает жалованье за лечение, а не за семейные советы.

Голос у мужчины был спокойным, без злости. Так обычно говорят люди, которые давно привыкли, что возражения существуют только для порядка.

Я не открывала глаз. Сначала хотелось понять, что из услышанного относится ко мне. Сорок лет на пищевом комбинате, из них двенадцать директором, приучили меня не перебивать человека, который сам выдаёт лишнее. После шестидесяти четырёх лет жизни я могла ошибиться во втором муже, но слушать на совещаниях не разучилась.

Тело лежало неудобно. Под затылком громоздились подушки, мокрые волосы тянули кожу, левая рука была завёрнута в тёплую ткань. Я осторожно пошевелила пальцами. Послушались все пять. Потом попробовала согнуть ногу, вдохнула чуть глубже и дождалась боли. Ныла голова, саднило горло, но ничего не было сломано.

Результат для человека, которого сначала столкнули с горы, а потом неизвестным образом утопили, можно было считать приличным.

— Она опять упала сама? — спросила женщина.

Мужчина выдержал короткую паузу.

— У Лиоры случился припадок у Нижнего ключа. Именно это будет сказано графу Дорну и всем остальным.

Имя я узнала раньше, чем успела понять, откуда. Лиора. На мгновение перед глазами вспыхнула узкая каменная дорожка, белёсая вода в круглом бассейне и тонкая ладонь на мокром бортике. Потом память рассыпалась.

Значит, Лиорой звали меня. Или девушку, в чьей постели я лежала.

Я приподняла ресницы ровно настолько, чтобы различить полоску комнаты. Тяжёлый полог, высокий потолок с тёмными балками, столик на гнутых ножках. У окна стоял широкоплечий мужчина в длинном тёмно-зелёном камзоле. На висках серебрилась седина. Женщина рядом с кроватью держала в руках таз и смятую ткань; на поясе у неё висела связка ключей.

Ни проводов, ни батареи, ни капельницы. В камине горел настоящий огонь, хотя утро было светлым. Если это больница, то руководство серьёзно экономило на оборудовании и совсем не экономило на бархате.

— Уберите зеркало, Марта, — сказал мужчина. — Когда очнётся, не позволяйте ей волноваться. Никаких писем, посетителей и прогулок.

Женщина опустила взгляд.

— Да, господин барон.

Марта. Управляющая домом — это тоже подсказала чужая память. Барон. Лиора. Граф Дорн, который едет на обручение через три дня.

Сведений было мало, но для начала хватало.

Барон подошёл к кровати. Молодое тело под покрывалом сжалось так резко, что я едва не выдала себя дыханием. Страх был не мой. Он жил глубже мысли: в напряжённых плечах, в холодных пальцах, в привычке не шевелиться, когда рядом слышались эти шаги.

Я не стала убеждать себя, что бояться нечего. Тело редко врёт без причины.

Пальцы мужчины коснулись моего запястья. Не ласково и не грубо — просто проверили, лежу ли я на месте.

— Лиора, — произнёс он. — Если слышишь меня, не волнуйся. Я всё устроил. Граф Харель проявил редкое великодушие и согласился закрыть глаза на эту неприятность.

При имени Хареля память тела выдала седые виски, серебряный набалдашник трости и тяжёлую ладонь на спинке моего стула. Не воспоминание целиком, а короткое предупреждение.

Великодушный жених, который закрывает глаза на попытку невесты утонуть за три дня до обручения. Хорошее начало семейной жизни. Особенно для него.

Я шевельнула веками и медленно открыла глаза.

Марта наклонилась первой.

— Миледи?

Я посмотрела на неё, потом на мужчину. Вблизи он казался старше пятидесяти. Аккуратная борода, перстень с тёмным камнем, сухое лицо. Чужая память подсказала раньше слов: дядя Освальд. Опекун.

Подсказка пришла вместе с желанием отвести взгляд. Я не отвела.

— Воды, — прошептала я.

Голос прозвучал высоко и хрипло. Не мой, конечно. Моим прежним голосом можно было остановить разгрузку сырья через весь двор, а этот годился разве что для просьбы открыть форточку.

Марта поднесла чашку и поддержала мне голову. Вода была тёплая, с горьковатым травяным привкусом. Я сделала два глотка и остановилась. Торопиться не стоило: неизвестно, чем меня поили и зачем.

Освальд проследил за чашкой и спросил:

— Тебе лучше?

Я прикрыла глаза, будто вопрос требовал больших усилий.

— Не знаю. Голова болит.

— Ты помнишь, что случилось? — Он говорил мягче, но от кровати не отошёл.

Вот тут можно было выбрать между честностью и полезностью. В прежней жизни я слишком поздно поняла, что это не всегда одно и то же.

— Холодно, — сказала я. — Вода.

Марта крепче сжала чашку. Освальд слегка повернул голову к ней, и женщина тут же опустила глаза.

— Ты оступилась у Нижнего ключа, — объяснил он. — К счастью, тебя быстро нашли. Доктор считает, что причиной стало нервное возбуждение.

— Из-за чего?

Вопрос вырвался слишком ровно. Прежняя Лиора, судя по реакции тела, спрашивала иначе или не спрашивала вовсе.

Я добавила растерянности во взгляд. За годы работы с ревизорами я научилась выглядеть менее осведомлённой, чем была. Навык пригодился и после смерти.

Освальд пододвинул стул и сел так близко, что его колено почти упёрлось в кровать. Будто заранее отрезал путь к выходу, хотя подняться я пока всё равно не могла.

— Ты снова испугалась предстоящего брака. Я понимаю, что перемены тревожат тебя, но граф Харель Дорн — достойный человек. Он возьмёт на себя заботу о тебе и о Ранвале.

Ранваль. Слово пахнуло мокрым камнем и дымом. Дом? Земля? Я не стала угадывать вслух.

— Я должна выйти за него через три дня?

— Обручиться. Свадьба состоится позже, когда доктор подтвердит, что ты достаточно окрепла. До тех пор ты останешься здесь и будешь выполнять его предписания.

Надо же, какая предусмотрительность. Сначала врач подтверждает, что я не могу распоряжаться собой, потом тот же врач разрешает передать меня мужу. Чистая работа, без лишних движений.

— А если я не хочу?

Марта едва заметно качнула головой. Не мне — скорее самой себе. Освальд положил ладонь на край покрывала.

— Лиора, мы уже это обсуждали. После смерти твоего отца я отвечаю за семью и поместье. Долги растут. Промысел почти остановлен. Граф готов сохранить людей и имя Ранваля. Твоя обязанность — не мешать единственному разумному выходу.

Вот теперь кое-что стало яснее. Молодая наследница. Мёртвый отец. Дядя-опекун. Поместье с долгами и промыслом, которое почему-то особенно интересовало пожилого графа. Вряд ли из большой любви к моей хрипоте.

— Какой промысел?

Освальд посмотрел на меня внимательнее, прежде чем ответить:

— Соляной.

Я провела языком по губе. Соль хрустнула на зубах. Марта тихо добавила, что Ранваль стоит на соляных ключах, а меня нашли у Нижнего.

Освальд резко повернулся к ней:

— Я сам отвечу на вопросы племянницы.

Племянницы. Теперь родство было подтверждено не обрывком чужой памяти, а его словами.

— Она ничего не помнит, господин барон.

— После припадков с ней бывало и не такое.

Он сказал это слишком быстро. Не испугался моей памяти, не позвал врача, не спросил имени. Просто нашёл удобное объяснение. Похоже, болезни Лиоры в этом доме служили на все случаи жизни.

Я отвернулась к окну. За мутноватым стеклом виднелась серая крыша, дальше — голые ветви и склон, по которому тянулся белый след. Снега не было. Белела соль.

Мир за окном не походил ни на больничный двор, ни на современную усадьбу. Телега у хозяйственной постройки окончательно закрыла вопрос. Лошади, длинные юбки, барон и соляной промысел. Оставалось признать очевидное: я умерла в одном месте и проснулась в другом. Причём значительно моложе и с семейными обстоятельствами, которые даже моя бухгалтерия отказалась бы принимать без пояснительной записки.

Паники не было. Возможно, она запаздывала. Возможно, после полёта с горы запас удивления закончился. Я прожила достаточно, чтобы знать: если не понимаешь, что происходит, сначала устанавливают факты. Кричать можно позже, когда станет ясно, на кого.

— Я устала, — сказала я.

Освальд поднялся.

— Это разумно. Отдыхай. В полдень придёт доктор. Если будешь спокойна, завтра разрешу тебе встать к обеду.

Разреши. Мне хотелось уточнить, с каких пор человек выдаёт взрослой женщине разрешение подняться с кровати. Потом я вспомнила тонкие пальцы, чужой голос и двадцатилетнее лицо, которого ещё не видела. В этом доме взрослой женщиной меня, похоже, не считали.

— Дядя, — позвала я, когда он дошёл до двери.

Он обернулся. На одно мгновение в его лице проступило удовлетворение: привычное обращение вернуло всё на прежнее место.

— Граф Харель знает о промысле больше меня?

Удовлетворение исчезло.

— Тебе незачем заниматься делами. Через три дня они перестанут быть твоей заботой.

Дверь закрылась.

Я смотрела на неё, пока шаги не стихли в коридоре.

Марта забрала чашку и принялась складывать мокрые полотенца. Двигалась она быстро, стараясь не шуметь. Связка ключей на её поясе звякнула один раз и тут же была прижата ладонью.

— Давно он мой опекун? — спросила я.

Марта замерла с полотенцем в руках, но всё же ответила:

— После смерти вашего батюшки. Четыре года.

— А мне сколько?

Теперь Марта посмотрела прямо. В её лице не было ни восторга, ни внезапной преданности. Только настороженность человека, который не знает, чем обернётся честный ответ.

— Двадцать лет.

Сорок четыре года мне вернули разом. Вместе с ними достались плохой жених и возможность снова совершать ошибки на молодых ногах. От второго подарка я собиралась отказаться.

— Зеркало он велел убрать, — сказала я.

Марта сжала губы.

— Барон запретил его приносить, миледи.

Она не сказала, что не хочет. Сослалась на приказ.

— Тогда не приносите. Пока. Кто меня нашёл у ключа?

— Мальчик с мельницы увидел вашу шаль на камнях. Позвал людей. Вас вытащил конюх Берг.

— Я была одна?

— Да.

В ответе не было сомнения. Значит, если Лиору толкнули, Марта об этом не знала. Но тело сохранило не чужую ладонь, а скользкий камень, ледяную воду и отчаянную попытку уцепиться. Этого пока было достаточно.

— Я часто ходила к Нижнему ключу?

Марта поправила стопку ткани, хотя та и без того лежала ровно.

— В последнее время — да.

— Зачем?

— Вы не говорили.

Марта поставила таз у двери. Пока она расправляла мокрую ткань на деревянной стойке, я разглядела платье, в котором меня вытащили из воды. Тонкая синяя шерсть была испачкана белой глиной, подол разошёлся по шву. На одном рукаве сохранились тёмные следы пальцев. Не синяки и не кровь — просто кто-то крепко держал мокрую ткань, когда тащил меня вверх.

— До ключа далеко? — спросила я.

— От дома четверть часа пешком. Если по нижней дороге.

— А промысел там же?

— Выпарные дома ниже по склону. Сейчас работает только малая печь.

Она тут же прикусила губу, словно сказала лишнее. Я не стала уточнять. Одной работающей печи было достаточно, чтобы понять: поместье ещё не умерло, но кто-то уже готовил ему похороны.

Из коридора донёлся звон посуды, затем мужской голос потребовал седлать лошадь для барона. Дом просыпался и жил по заведённому порядку. Только хозяйку этого дома держали в постели и заранее передавали другому владельцу.

Она явно знала больше, но давить сейчас было глупо. Женщина четыре года жила под приказами Освальда и пока не получила ни одной причины рисковать ради меня. Новое выражение лица не превращает чужую служанку в союзницу. К счастью, Марта не бросалась обвинять меня и клясться в верности. После второго мужа я с подозрением относилась к людям, которые слишком быстро находили во мне замечательного человека.

— Когда придёт доктор, я снова буду плохо помнить, — сказала я. — Мне не хочется, чтобы дядя волновался.

Марта медленно положила последнее полотенце в таз.

— Понимаю, миледи.

Поняла ли она намёк, сказать было трудно. Но вопросов не задавала.

Оставшись одна, я села. Комната сразу качнулась, к горлу подступила горькая вода. Я переждала, держась за край матраса, и только потом спустила ноги на пол. Ступни были маленькие, бледные, без привычных шишек у больших пальцев. На левой лодыжке темнел свежий синяк. Молодое тело было лёгким, но обращаться с ним следовало осторожно: оно уже один раз чуть не утонуло за сегодняшнее утро.

У кровати стоял резной сундук. На крышке лежало платье, приготовленное заранее, — серое, закрытое, с узкими рукавами. Я подняла его и заметила под тканью несколько сложенных листков. Пустых. Ни пера, ни чернил рядом не было.

«Никаких писем», — распорядился Освальд.

Значит, письма имели значение.

Я опустила взгляд на собственные руки. Тонкие пальцы, бледная кожа, едва заметное чернильное пятно у ногтя. Лиора чем-то писала незадолго до падения. На среднем пальце правой руки была натёртость, слишком узкая для тяжёлой работы и слишком свежая для украшения. Возможно, от пера.

Зеркало пока могло подождать. Важнее было другое: девушка не только гуляла к источнику и падала в обмороки, как хотел представить Освальд. Она что-то искала, записывала и прятала. Я не знала что, но впервые почувствовала к прежней хозяйке тела не жалость, а уважение. Она действовала теми средствами, которые у неё оставались.

Я вернула платье на место и подошла к окну. Далеко внизу между склонами блеснула вода. Отсюда она казалась обычной, но белая кайма по берегам выдавала соль. Рядом темнели крыши хозяйственных построек. Из одной трубы шёл тонкий дым, остальные молчали.

Промысел почти остановлен, сказал Освальд. Долги растут. Через три дня граф Харель должен получить невесту, а со временем — вероятно, и всё остальное.

Схема была старая. Менялись костюмы и названия должностей, но чужое имущество по-прежнему удобнее всего забирали под видом заботы о владельце.

Я коснулась холодного стекла. Память тела подбросила новый обрывок: тяжёлую книгу в кожаном переплёте, палец, ведущий по строчкам, и слова, быстро переписанные на клочок бумаги. Видение было таким ясным, что я отдёрнула руку.

Не фраза целиком. Только название.

Право хозяйского года.

Я повторила слова шёпотом. Тело узнало их — сердце забилось быстрее, но на этот раз не от страха.

До обручения оставалось три дня.

Значит, у меня было три дня, чтобы выяснить, что это за право и почему Лиора перед падением пыталась его найти.

Глава 2. Девушка, которой не давали действовать

Доктор пришёл через четверть часа после того, как я успела добраться до окна, вернуться в постель и решить, что смерть несколько не улучшила мою привычку работать раньше времени.

Он оказался сухим пожилым мужчиной с аккуратными седыми бакенбардами и кожаным саквояжем, от которого пахло травами и крепким уксусом. За его спиной стоял Освальд. Видимо, здоровье племянницы требовало семейного надзора.

— Как вы себя чувствуете, миледи? — спросил доктор.

— Голова болит. Горло саднит. Иногда вспоминаю отдельные вещи, иногда нет.

— Например?

Я посмотрела на Освальда, затем снова на доктора.

— Я знаю, как зовут дядю. Помню Марту. Помню Нижний ключ. Остальное приходит кусками.

Доктор посветил мне в глаза маленьким зеркальцем, велел следить за пальцем, пересчитал пульс и задал несколько вопросов о времени года. На времени года я остановилась. За окном стояла поздняя осень, это было понятно без местного календаря, а вот как здесь называли месяцы, я не знала.

— День Тихих Ветров, — подсказал Освальд. — Первый.

— Я спрашивал пациентку, господин барон.

Впервые за утро кто-то напомнил ему, что в комнате есть другие люди. Освальд отступил на шаг, но лица не изменил.

— Первый день Тихих Ветров, — повторила я. — Теперь запомнила.

Доктор ощупал затылок, проверил, не болят ли рёбра, и долго слушал дыхание через деревянную трубку. Никакого припадка он не нашёл. Правда, вслух этого тоже не сказал.

— Ей нужен покой, — объявил он, закрывая саквояж. — Тёплое питьё, лёгкая пища. Не вставать без помощи до вечера.

— А память? — спросил Освальд.

— Может вернуться сегодня, может через несколько дней. После холодной воды и удара такое бывает.

— Возбуждение способно вызвать новый приступ?

Доктор взглянул на него поверх застёжки саквояжа.

— Я не видел прежних приступов и не стану рассуждать о них по чужим словам.

Освальд поджал губы. Я сохранила эту короткую сцену в памяти. Доктор не был моим союзником, но хотя бы различал больного и удобное семейное объяснение.

Когда мужчины вышли, Марта принесла поднос с бульоном, хлебом и тёплой водой. Поставила его на столик, поправила огонь и спросила, не нужно ли помочь мне сесть.

— Сесть я могу сама. А вот поесть без ложки будет сложнее.

Марта посмотрела на поднос и обнаружила, что ложки действительно нет.

— Простите, миледи.

— Не за что. Если в доме начали прятать даже столовые приборы, это уже не ваша вина.

Она едва заметно дёрнула уголком рта и вышла за ложкой. Я проводила её взглядом. Шутка получилась удачной, но повторять опыт не стоило: Марта пока присматривалась ко мне так же внимательно, как я к ней.

За время её отсутствия я добралась до зеркала, которое Освальд велел убрать. Его не унесли, а просто повернули к стене и задвинули между шкафом и ширмой. Очень по-семейному: запрет исполнен, тяжесть таскать не пришлось.

Я развернула раму.

Из потемневшего серебра на меня смотрела девушка с мокрыми светло-русыми волосами, серыми глазами и лицом, которое ещё не научилось прятать испуг. Точнее, испуг был не на лице. Он сидел в напряжённой шее и чуть поднятых плечах, хотя в комнате кроме меня никого не было.

Лиора оказалась хорошенькой, но не той броской красотой, из-за которой мужчины забывают имена собственных жён. Узкое лицо, прямой нос, упрямый подбородок. На лбу темнела небольшая ссадина. Никаких следов многолетних побоев или голодной жизни. Девушку держали в порядке, как держат ценную вещь перед продажей.

Я коснулась щеки. Отражение повторило движение молодой рукой.

— Ну здравствуй, — тихо сказала я. — Похоже, нам обеим не повезло с родственниками.

От собственного голоса стало не по себе. Я снова повернула зеркало к стене. Знакомиться с новым лицом можно было постепенно. С тремя днями до обручения у меня имелись дела поважнее.

Марта вернулась с ложкой и заметила сдвинутое зеркало. Ничего не сказала, только поставила прибор рядом с тарелкой.

Бульон был крепкий, с кореньями и кусочками мяса. В доме, где экономили дрова в спальне наследницы, кухня пока работала исправно. Я съела половину, дала желудку привыкнуть и спросила:

— У меня есть письменный стол?

— В гостиной, миледи.

На вопрос, пользовалась ли я им, Марта ответила не сразу. Рука замерла над кувшином.

— Иногда. Вы любили переписывать стихи.

Ответ прозвучал слишком быстро. Я не стала ловить её на этом. Люди, которые долго жили под присмотром, редко начинали говорить правду от одного доброго взгляда.

— Покажите мне гостиную. Доктор разрешил вставать с помощью.

— До вечера лучше не надо.

— Тогда помогите мне дойти, пока дядя не решил, что я могу испортить здоровье одним видом письменного стола.

Марта вздохнула, но принесла тёплые чулки и домашнее платье. Одеваться в чужое тело оказалось труднее, чем я ожидала. Не из-за слабости: шнуровки, нижние юбки и завязки были устроены так, будто женщины этого мира ежедневно сдавали экзамен на терпение. Марта двигалась привычно и не комментировала мои неловкие руки. Возможно, списывала всё на удар головой.

Гостиная примыкала к спальне. В ней стояли диван, два кресла, шкаф с книгами и небольшой стол у окна. На столе лежал чистый лист, засохшее перо и коробка с песком для просушки чернил. Чернильницу убрали.

Я села и выдвинула верхний ящик. Нитки, сургуч, несколько лент. Во втором — молитвенник и счётные палочки. Третий оказался заперт.

— Ключ? — спросила я.

— У барона.

— Разумеется.

Я провела ладонью по нижней стороне столешницы. Прежняя Лиора отозвалась не воспоминанием, а странным напряжением в пальцах. Рука сама задержалась у правого края, где дерево было чуть светлее. Я нажала на тонкую планку. Внутри что-то щёлкнуло, и задняя стенка второго ящика выдвинулась на ширину ногтя.

Марта отвернулась к окну. Слишком старательно.

За стенкой лежали сложенные вчетверо листы, короткий огрызок карандаша и две копии писем. Не тайный дневник с признаниями, а рабочая папка человека, которому не давали иметь рабочую папку.

Я разложила бумаги на столе.

Почерк был ровный, мелкий, без украшений. В верхней части каждого листа стояла дата, ниже — несколько строк.

«Кухне назначено восемь марок. Марта получила пять. В книге записано восемь».

«За соль с пристани пришло тридцать две марки. В домашней книге — девятнадцать».

«Письмо госпоже Эдде Мор отдано посыльному утром. Вечером дядя сказал, что лошадь не отправляли».

«Доктору велено не разрешать поездку в Вейр. Причина — слабость. Осмотр длился меньше четверти часа».

Ни слёз, ни жалоб. Только даты, суммы и короткие наблюдения. В одном месте рука дрогнула, и строка ушла вверх, но Лиора переписала цифру рядом, чтобы её нельзя было понять двояко.

Я перечитала листы ещё раз. Девушка не сидела у окна в ожидании спасителя. Она считала. Сверяла. Пыталась написать нотариусу. Ей перекрывали каждый выход, а потом называли неспособной действовать.

— Кто такая Эдда Мор? — спросила я.

Марта всё ещё смотрела во двор.

— Королевский нотариус в Вейре.

— Она когда-нибудь получала мои письма?

— Не знаю.

— А кто здесь отправляет почту?

— Письма передают секретарю барона. Он ставит печать и отдаёт посыльному.

Круг замкнулся без особой изобретательности. Деньги шли через Освальда, письма через Освальда, врач получал деньги от Освальда. Лиора могла быть сколько угодно умной, но до внешнего мира её мысли не доходили.

Под копиями обнаружился черновик письма Эдде Мор. Лиора не просила спасти её от жестоких родственников и не описывала свои чувства. Она просила личного свидания без опекуна и перечисляла три расхождения в книгах: плату за древесину, выручку с пристани и деньги, якобы выданные рабочим. В конце стояла приписка: «Если мне снова откажут в отправке письма, я передам его через кухню».

Я подняла глаза на Марту.

— Через кухню передавали?

Она медленно села в кресло напротив, хотя я её не приглашала. Видимо, ноги перестали держать.

— Один раз. Письмо взяла девушка, которая ездила к сестре в город. На заставе её остановили люди барона. После этого девушку рассчитали.

— А вас?

— Меня оставили. — Марта разгладила фартук на коленях. — Я сказала, что ничего не знала.

В её голосе не было ни оправдания, ни просьбы понять. Только факт, с которым она жила несколько лет. Я могла бы спросить, почему она не рискнула ещё раз. Ответ был передо мной: управляющая без денег и родни, хозяйин с людьми на дороге, молодая наследница, которую врач объявлял нервной. Смелость хороша, когда у неё есть хотя бы один путь к результату. Иначе это чаще всего красивое название для чужой гибели.

— Правильно сделали, — сказала я. — Тогда вы бы не сидели здесь, а я не узнала бы ни о письме, ни о книгах.

Марта резко посмотрела на меня. Похоже, она ожидала упрёка.

— Миледи прежде тоже не упрекала.

— Значит, у неё было больше здравого смысла, чем считали в этом доме.

Марта отвела взгляд, но плечи у неё чуть опустились. Не доверие. Пока только разрешение не бояться каждой моей фразы.

В последней пачке лежал лист, исписанный с двух сторон. Сначала я приняла его за молитву: старые обороты, длинные фразы, заглавные буквы в середине строки. Потом увидела знакомые слова.

«Наследник, пребывающий под рукой опекуна, вправе испросить хозяйский год...»

Дальше несколько слов были зачёркнуты, а часть строки обрывалась на сгибе. Лиора выписала условия по памяти или с другого документа: принять долги, внести залог свободным имуществом, допустить королевскую проверку, не отчуждать землю. Срок она подчеркнула дважды: сто двадцать дней.

Внизу стояла ещё одна запись.

«Если нотариус засвидетельствует требование до подписания брачного соглашения, опекун не может отказать».

— Когда должен приехать нотариус? — спросила я.

Марта обернулась.

— Сегодня к вечеру. Барон вызвал госпожу Мор для брачных бумаг.

Вот и первый открытый канал. Освальд сам пригласил человека, которого четыре года не подпускал к племяннице. Не из доброты, конечно. Просто без нотариуса труднее передать имущество вместе с невестой.

— Где семейный устав?

Марта посмотрела на разложенные листы, затем на дверь.

— В кабинете господина барона. В запёртом шкафу.

— А ключ?

— Он носит его при себе.

Я сложила записи обратно, но лист с правом хозяйского года оставила перед собой.

До вечера оставалось несколько часов. Полного устава у меня не было, зато были слова прежней Лиоры, нотариус, которого Освальд ждал сам, и дядя, слишком уверенный, что тихая племянница снова промолчит.

Для начала этого хватало.

Глава 3. Сто двадцать дней

К вечеру я уже знала две важные вещи. Во-первых, местные домашние платья шили для женщин, которым не требовалось быстро ходить. Во-вторых, Освальд рассчитывал провести подписание брачных бумаг в малой столовой, потому что там было теплее и проще держать меня под присмотром.

Марта затащила шнуровку чуть свободнее обычного и поверх тёмно-синего платья набросила мне шерстяную шаль.

— Если закружится голова, сразу сядьте, — сказала она.

— Если закружится, постараюсь упасть на что-нибудь недорогое.

— В малой столовой всё дорогое.

Я посмотрела на неё через зеркало.

— Значит, придётся держаться.

На этот раз Марта действительно улыбнулась, но тут же спрятала улыбку, склонившись к застёжке. За несколько часов она не стала моей соратницей. Просто убедилась, что новая Лиора не собирается обвинять её во всех грехах дома. Для начала этого было достаточно.

Лист с выпиской из устава я спрятала в рукаве. Остальные бумаги вернула в тайник. Если Освальд устроит обыск, лучше потерять одну запись, чем всю работу прежней хозяйки тела.

В столовой нас ждали трое. Освальд стоял у камина. Доктор сидел ближе к окну и выглядел так, будто уже пожалел, что не уехал после осмотра. Третьей была невысокая женщина лет тридцати с тёмными волосами, собранными под строгим чепцом. Перед ней лежали кожаная папка, песочница и две печати.

— Госпожа Эдда Мор, королевский нотариус, — представил Освальд. — Она подготовит соглашение о твоём обручении.

Эдда встала и поклонилась ровно настолько, насколько требовал мой титул. Не ниже и не теплее.

— Леди Ранваль.

— Госпожа Мор.

Она посмотрела на ссадину у меня на лбу, затем на доктора.

— Миледи способна понимать документы и последствия подписи?

Освальд ответил раньше него:

— Память ещё не восстановилась полностью, но семейные решения я принимаю как опекун.

— Я спрашивала врача.

Второй человек за день напомнил барону о порядке разговора. Мне начинала нравиться местная государственная служба, хотя делать выводы по двум сотрудникам было рано.

Доктор откашлялся.

— Леди Ранваль отвечает связно, узнаёт близких и понимает вопросы. Ей необходим покой, однако признаков помрачения рассудка я не обнаружил.

— Она не помнит название месяца, — возразил Освальд.

— После того как вы подсказали, запомнила.

Эдда раскрыла папку.

— В таком случае я должна прочитать соглашение полностью и получить её личное подтверждение.

— Сначала я хочу заявить право хозяйского года, — сказала я.

Тишина наступила сразу. Даже огонь в камине треснул очень кстати.

Освальд не повысил голос. Только медленно снял руку со спинки стула.

— Ты не понимаешь, о чём говоришь.

— Наследница под опекой вправе потребовать сто двадцать дней самостоятельного управления, если принимает долги владения, вносит залог свободным имуществом, допускает королевского проверяющего и не продаёт землю.

Я вынула лист из рукава и положила перед Эддой.

Нотариус прочитала его один раз, потом второй.

— Это не полный текст.

— Полный устав хранится в кабинете моего опекуна.

Освальд посмотрел на Марту. Та стояла у двери с подносом и не шелохнулась.

— Лиора, — произнёс он мягко, — сегодня утром ты не помнила собственного возраста. Такие решения нельзя принимать после удара головой.

— Тогда перенесём брачное соглашение до полного выздоровления.

Эдда подняла глаза от листа. Доктор отвернулся к окну, но по движению плеч я поняла, что он подавил кашель или смех. Освальду не понравился ни один вариант.

— Брак защищает тебя от последствий твоей же слабости, — сказал он. — Хозяйский год оставит тебя одну перед кредиторами. Ты не знаешь состояния промысла, не разбираешься в торговле и никогда не управляла людьми.

С последним он угадал меньше всего, но объяснять свою земную должность я не собиралась.

— Поэтому закон и требует проверяющего. Принесите устав.

— Я не обязан устраивать представление по первой прихоти больной девушки.

Эдда закрыла папку с брачным соглашением.

— Если наследница заявила право до подписания брачных обязательств, я обязана проверить основание. Пока проверка не закончена, заверять обручение нельзя.

Вот почему Лиора пыталась добраться именно до неё.

Освальд прошёл к двери, открыл её и коротко велел секретарю принести из кабинета семейный устав. Ключ он не отдал: пошёл вместе с ним. Видимо, даже теперь боялся оставить шкаф без личного надзора.

Пока его не было, Эдда спросила:

— Вы понимаете, что хозяйский год не освобождает от старых долгов?

— Понимаю.

— При провале вы теряете право самостоятельно распоряжаться браком до погашения обязательств или решения короны.

— Понимаю.

— Свободное имущество будет заложено. Не символически. Его смогут продать.

— Что в этом доме действительно принадлежит мне?

Эдда повернулась к Освальдовому секретарю, который остался у двери, но тот развёл руками. Ответила Марта:

— Украшения вашей матушки. Их записали как личное наследство.

В чужой памяти мелькнула шкатулка с тёмным деревом и запах сухих лепестков. Не богатство королевы, но последнее, к чему Освальд не имел формального доступа.

— Принесите их, пожалуйста.

Марта ушла. Я не позволила себе долго думать о женщине, которой принадлежали серьги, кольца и цепь. Для прежней Лиоры залог был бы потерей памяти о матери. Для меня — чужой драгоценностью. Но тело сжало горло так, будто я уже согласилась продать семейную могилу.

Я положила ладонь на стол и переждала. Право без цены обычно называется подарком. Мне никто ничего дарить не собирался.

Освальд вернулся с толстой книгой в потёртом кожаном переплёте. Эдда приняла её, сверила печать на корешке и нашла нужный раздел. Читала молча, водя пальцем по строкам. Освальд стоял у камина, слишком неподвижный для спокойного человека.

— Выписка верна, — сказала нотариус. — Есть дополнение. Требование должно быть заявлено при двух свидетелях. Опекун вправе потребовать врачебного подтверждения способности наследника понимать последствия. Это подтверждение только что дано.

Доктор тяжело вздохнул.

— Я подтвердил ясность сознания, а не хозяйственные способности.

— Закон требует первого, — ответила Эдда. — Второе проверяют сто двадцать дней.

Марта принесла шкатулку. Освальд попытался остановить её взглядом, но она поставила шкатулку передо мной и отступила.

Внутри лежали жемчужная нить, золотая цепь, кольцо с зеленоватым камнем и серьги. Ничего чрезмерного. Хорошая память о матери и довольно скромный залог для поместья с соляными источниками.

— Всё? — спросила Эдда.

— Всё личное, — ответил Освальд. — Разумеется, этого недостаточно даже для малой части обязательств.

— Стоимость залога не обязана покрывать долги. Наследница должна внести последнее свободное имущество, чтобы подтвердить принятие риска.

Освальд всё равно возразил и при последних словах посмотрел прямо на меня. Нотариуса он уже не убеждал; мне показывал, насколько ничтожной считает мою ставку.

Эдда разложила чистые листы и начала писать заявление. Перо скрипело, песок тихо шуршал по бумаге. В комнате стало жарко, хотя шаль по-прежнему лежала на плечах.

— Назовите полное имя, — сказала она.

Чужая память ответила легко:

— Лиора Эллен Ранваль.

— Возраст?

— Двадцать лет.

— Вы добровольно принимаете управление поместьем Ранваль, все подтверждённые долги и обязательства, возникшие до нынешнего дня?

— Да.

— Обязуетесь не отчуждать землю, источники и право добычи в течение хозяйского года?

— Да.

— Допускаете королевского инспектора к книгам, складам, дорогам и источникам?

Вот тут я задержалась. Не потому, что собиралась отказаться. Просто не любила давать незнакомому человеку право войти во все дела. Второй муж начинал с просьбы помочь с банковским приложением. Закончил тем, что попытался стать единственным наследником.

Но без проверки право не действовало. Помощь и контроль были разными вещами, даже если на первый взгляд носили одинаковые сапоги.

— Допускаю в пределах закона и с записью всех изъятых документов.

Эдда впервые посмотрела на меня с чем-то похожим на интерес.

— Я внесу это уточнение.

Освальд подошёл ближе.

— Ты ещё можешь остановиться. Граф Харель погасит долги, восстановит печи и оставит тебе достойное содержание.

— А поместье?

— Будет управляться человеком, который понимает его ценность.

— Значит, не мной.

— Именно это я пытаюсь тебе объяснить.

Он произнёс правду без украшений, и за это я почти была ему благодарна.

Эдда закончила документ, дала мне прочитать и указала место для подписи. Почерк Лиоры я видела в записях, но воспроизвести его точно не могла. Пришлось писать медленно. Рука сама вывела знакомые петли. Память тела оказалась полезнее многих родственников.

Доктор и Марта подписались свидетелями. Освальд отказался, что ничего не меняло. Эдда приложила печать, записала украшения в опись и закрыла шкатулку своим сургучом.

Красная капля застыла на замке. Я смотрела, как она темнеет, и чувствовала чужую тоску Лиоры по материнским вещам. Обещать, что обязательно верну их, не стала. Обещания без расчёта слишком похожи на то, чем Освальд кормил этот дом четыре года.

— С этого часа брачные соглашения без вашего личного согласия не заверяются, — сказала она. — Опека в части хозяйства приостанавливается. До прибытия королевского инспектора вы не вправе перемещать книги и товар со складов. Наличные поместья переходят под совместную опись.

Освальд побледнел совсем немного. Человек с меньшим опытом мог бы и не заметить.

— Эта затея продержится неделю, — сказал он. — Потом ты сама попросишь меня всё исправить.

— Тогда вам не о чем беспокоиться.

Он вышел, не попрощавшись. Секретарь поспешил следом. Доктор задержался лишь затем, чтобы велеть мне лечь и не изображать из себя здоровую. В его формулировке было больше заботы, чем во всех речах Освальда за день.

Когда дверь закрылась, Эдда сняла очки и потёрла переносицу.

— Теперь о сумме.

На стол легли долговые расписки, налоговые ведомости и лист с процентами. Часть книг Освальд принёс неохотно, часть ещё предстояло искать. Эдда считала быстро, складывая числа в столбцы. Я следила за её пером и чувствовала, как молодое тело устаёт быстрее, чем моя голова.

Наконец нотариус развернула итоговый лист ко мне.

— Подтверждённые обязательства на сегодня — тысяча восемьсот марок. Без долга рабочим, который записан отдельно, и без возможных требований, ещё не представленных к проверке.

— Что входит в тысячу восемьсот?

Эдда развернула ведомость к себе.

— Королевский налог за прошлый период, просроченный сбор за право добычи, проценты по двум займам и штраф за недопоставку гильдии. Последний пункт я пока считаю спорным. Договор нужно проверить.

— Срок?

— Осенняя ярмарка. В последний день хозяйского года. Если к тому времени налог и законные проценты не погашены, право управления прекращается.

— А рабочие?

— Двести десять марок задолженности. Закон не требует закрыть её в первый день, но инспектор учтёт, заключили ли вы с людьми новый порядок выплат. Если они подадут общую жалобу, промысел могут остановить и раньше.

Мне понравилось, что она не старалась ни напугать, ни обнадёжить. Просто раскладывала яму по глубине и ширине. С такими людьми работать легче: по крайней мере знаешь, где закончилась справка и началось собственное решение.

— Сколько денег в кассе?

— По последней описи — шестьдесят три марки. Завтра проверим наличие.

В поместье было шестьдесят три марки наличными.

Я посмотрела на цифру, потом на запечатанную шкатулку.

Сто двадцать дней только что перестали звучать как свобода. Теперь это был срок оплаты.

Глава 4. Инспектор, который никому не верит

Лорд Северин Ардель приехал на третий день утром и первым делом велел никому не трогать книги.

Я узнала об этом от Марты, которая вошла в мою новую рабочую комнату с выражением лица человека, вынужденного сообщить о пожаре до завтрака.

— Королевский инспектор во дворе, миледи. С ним шестеро стражников и госпожа Мор.

— Освальд уже встретил?

— Господин барон вышел первым.

Разумеется. За два дня бывший опекун успел трижды напомнить слугам, что хозяйский год — временная причуда, а дом всё ещё принадлежит семье. Под словом «семья» он понимал себя.

Я закрыла ведомость. Проверка наличных дала ровно шестьдесят три марки, ни одной больше. Книги же оказались аккуратными только снаружи: суммы переходили со страницы на страницу, расход древесины не совпадал с числом варок, а часть листов была переписана одной рукой задним числом. Даже без местных знаний я видела, что хозяйство долго готовили к удобному объяснению разорения.

Во дворе стояла дорожная карета без гербовой роскоши, две верховые лошади и люди в серых плащах с королевским знаком на застёжке. Сам инспектор разговаривал с Освальдом у ступеней.

Он был высоким, темноволосым, лет сорока, в простом дорожном сюртуке поверх форменного жилета. Никакой парадной суровости: сапоги в грязи, перчатки заткнуты за пояс, на левом рукаве след от дорожной пыли. Лицо спокойное и внимательное. Так смотрят не на собеседника, а на его показания.

— Леди Ранваль, — сказал он, когда я подошла. — Лорд Северин Ардель, королевский инспектор промыслов и дорог.

— Мне сообщили.

— Тогда вам также сообщили, что до окончания первичной проверки склады, архив и оба источника переходят под временную печать.

Приветствие получилось коротким. Мне это даже понравилось.

— На каком основании?

Он достал сложенный документ. Эдда, стоявшая рядом, показала мне печать наместника.

— Расхождение между уплаченным сбором, заявленным объёмом и движением соли по уездным дорогам, — ответил Северин. — Если книги подтверждают нарушение, промысел будет закрыт до решения короны.

Освальд развёл руками.

— Я предупреждал племянницу, что её затея только ускорит неизбежное.

Северин даже не посмотрел на него.

— Барон Феррен, до окончания описи вы не имеете доступа к хозяйственным книгам без присутствия нотариуса.

Освальд замолчал. Третий государственный служащий за три дня оказался человеком, который умел разговаривать с моим дядей. В Арвене определённо были полезные учреждения.

Я прочитала приказ. Формулировка позволяла инспектору опечатать имущество немедленно, если существовал риск уничтожения доказательств. Такой риск, судя по книгам, был. Но если сегодня закрыть источники и склады, через неделю мне нечем будет платить даже за хлеб.

— Перед опечатыванием проведём совместную инвентаризацию, — сказала я.

Северин поднял взгляд от моей подписи под распиской о получении приказа.

— Это не просьба владельца, которую я обязан исполнить.

— Это способ зафиксировать состояние до того, как ваши печати остановят работу. Иначе через месяц каждый повреждённый чан и каждый пустой мешок можно будет приписать мне или вам — в зависимости от того, кому удобнее.

— Работа уже почти остановлена.

— Почти и полностью — разные состояния. Особенно для людей, которым должны деньги.

Он помолчал, затем спросил:

— Что именно вы предлагаете?

— Два списка. Один ведёт госпожа Мор, второй ваш писарь. Все ключи заносятся в журнал. Ни один документ не уходит без расписки. Сначала архив и касса, затем склады, выпарной дом и источники. После этого вы решаете, что печатывать.

— Вы успели подготовиться.

— За два дня можно либо подготовиться, либо долго объяснять, почему не успела.

Эдда кашлянула, прикрывая рот перчаткой. Северин не улыбнулся.

— Полная прозрачность, леди Ранваль. Не только то, что сочтёте выгодным показать.

— Полная, но с записью каждого действия.

— И доступ к личным письмам, если они связаны с торговлей.

Внутри сразу поднялось знакомое сопротивление. Личные письма, счета, чужой контроль — дорога, по которой в моей прошлой жизни уже прошли до банковских паролей и права решать, с кем мне встречаться. Но Северин не просил передать ему всё навсегда. Он называл основание и соглашался оставлять след каждого действия.

— Только при нотариусе, — сказала я.

— Согласен.

Мы пожали друг другу руки. Его ладонь была тёплой и сухой, моя — холодной после утреннего воздуха. Никакой молнии, судьбы и внезапного понимания, что передо мной главный мужчина новой жизни. Просто договор двух людей, которые пока не доверяли друг другу и правильно делали.

Первую половину дня мы провели в архиве. Комната находилась за кабинетом Освальда и до хозяйского года, видимо, считалась частью его личного владения. На полках стояли книги в одинаковых коричневых переплётах, зато пыль на них лежала разная. Три последних тома недавно переставляли. Два журнала были сухими и чистыми, третий пах сыростью, будто его принесли из другого помещения.

Северин работал молча, не ленился читать мелкие приписки и задавал вопросы не мне, а тому, кто отвечал за запись. Хозяйственные книги вёл приказчик, поэтому отвечать чаще всего приходилось ему. Он быстро перестал путаться только в тех местах, где повторял: «Мне передали готовую сумму».

— Кто передал? — спрашивал Северин.

— Господин барон.

— На основании какого первичного листа?

— Не могу знать.

— Кто может?

На этом месте приказчик обычно вспоминал, что ему нужно сверить чернила или дату.

Я попросила Эдду завести отдельную ведомость отсутствующих документов. Северин взглянул на меня так, будто проверял, не собираюсь ли я превратить ревизию в представление для будущего суда.

— Зачем отдельную? — спросил он.

— Чтобы отсутствие перестало быть пустым местом. Если завтра найдётся накладная, мы увидим, когда она появилась. Если не найдётся, никто не скажет, что она всё время лежала на нижней полке.

— Разумно.

Похвала прозвучала так сдержанно, что её можно было принять за отметку на полях. Мне и этого хватило.

Мы установили порядок: архив запирался на два замка, один ключ оставался у Эдды, второй — у инспектора; я получала доступ в присутствии одного из них. На складах ставили королевские пломбы, но двери не закрывали наглухо, чтобы можно было проверить товар и не остановить текущую работу. Каждый мешок, книга и печать заносились в опись.

— Вы ограничиваете собственный доступ, — заметил Северин.

— Пока не знаю, кто в доме пользовался моим именем. Ограничение защищает и меня от чужих обвинений.

Он задержал на мне взгляд на секунду дольше обычного, затем подписал порядок.

Я следила не только за ответами. В книгах значилось, что Нижний ключ давал шестнадцать мерных кадей рассола за день. Верхний почти не использовался из-за засора. Соль продавали небольшими партиями, но расход древесины соответствовал куда большей работе. Либо дрова крали, либо рассол уходил не в те чаны, о которых писали в отчётах.

Перед обедом мы проверили главный склад. На двери висела старая печать Ранваля, рядом Северин поставил королевскую. Внутри лежали двадцать три мешка готовой соли, хотя книга обещала тридцать один. Восемь мешков могли исчезнуть, отсыреть, быть проданными без записи или никогда не существовать. Приказчик выбрал последний вариант и сообщил, что товар иногда записывали заранее.

— Зачем? — спросила я.

— Чтобы показать ожидаемый выход партии.

— В книге готового товара?

Он замолчал.

Северин присел у нижнего ряда мешков и провёл пальцем по деревянному настилу. Под досками белела свежая россыпь, но следов восьми недостающих мешков не было.

— Этот ряд перекладывали недавно, — сказал он.

— Откуда знаете?

— Пыль у стены старая, между досками свежая соль. И верёвки на верхних мешках другого плетения.

Я присмотрелась. Сама бы не заметила. Он работал не только приказами, и это меняло дело.

— Я не знаю местных способов хранения, — сказала я. — Но на производстве исчезновение готовой партии начинается не со склада. Сначала нужно понять, сколько сырья пришло, сколько ушло в работу и сколько должно было получиться.

— Поэтому идём к источнику.

— Поэтому сначала считаем поток, затем чаны, дрова и остаток.

Он кивнул. Не как начальник подчинённой и не как мужчина женщине. Просто признал порядок проверки.

После полудня мы спустились к Нижнему ключу. Дорога шла между серых склонов и голых кустов. Внизу стояли два выпарных дома: один с проваленной частью крыши, второй поменьше, закопчённый и ещё живой. Из трубы тянулся слабый дым.

Сам источник был обложен старым камнем. Белёная вода поднималась из глубины и стекла по деревянному желобу к отстойнику. У края темнело место, где три дня назад нашли Лиору.

Тело сразу вспомнило холод. Я остановилась, пока дыхание не выровнялось.

Северин заметил.

— Вам необязательно подходить близко.

— Обязательно. Я приняла управление не из окна спальни.

Он ничего не ответил, только приказал стражнику проверить мокрые доски у края. Не подал мне руку и не стал доказывать, что лучше знает мои силы. За это я отметила ему первый небольшой плюс.

Для замера Эдда принесла опечатанную мерную кадь, а Северинов писарь — песочные часы. Я предложила повторить наполнение трижды: один результат мог зависеть от засора в желобе или от того, как поставили сосуд.

— Четырежды, — сказал Северин. — Два замера сейчас и два через час.

— Почему через час?

— Чтобы исключить краткий выброс после расчистки отстойника.

Хорошее замечание. Я кивнула, не пытаясь сделать вид, будто сама собиралась предложить то же самое.

Первую кадь источник наполнил быстрее, чем следовало по книге. Вторую — почти за то же время. Эдда записала минуты, писарь сверил шкалу, Северин велел осмотреть желоб на предмет скрытого притока. Ничего не нашли.

Я попросила проверить саму кадь. На комбинате половина чудес начиналась с неверной тары, весов или человека, который заранее знал нужный ответ. Эдда показала клеймо королевской меры и налила в неё воду из дорожных бочонков по контрольным кружкам. Ошибка была бы слишком мала, чтобы объяснить разницу.

— Вы всегда перепроверяете инструмент? — спросил Северин.

— Когда результат слишком удобен — обязательно.

— Для кого он удобен сейчас?

— Пока ни для кого. Вам даёт повод закрыть промысел. Мне — повод обвинить прежнее управление. Освальду — возможность сказать, что мы оба ошиблись. Значит, считать нужно особенно тщательно.

Северин велел писарю внести проверку кадки в протокол.

Пока ждали следующую пару замеров, я прошла к малому выпарному дому. Внутри работали трое мужчин. Они замолчали, увидев меня и инспектора. Старший снял шапку, но в его лице не появилось ни надежды, ни радости. Только ожидание нового приказа.

— Продолжайте, — сказала я. — Сегодня мы считаем, а не закрываем.

Он посмотрел на Северина.

— Пока продолжайте, — подтвердил тот.

Именно «пока». Инспектор не торговал обещаниями, которых не мог дать. Это тоже было полезно.

Вторая серия замеров почти не отличалась от первой. Мы вернулись к каменному борту. Эдда пересчитала результат по местной мере и подвела итог.

— При нынешнем потоке Нижний ключ даёт не меньше тридцати двух кадей за полный рабочий день.

Я открыла книгу на заложенной странице.

В официальной ведомости стояло шестнадцать.

Северин прочитал цифру, затем посмотрел на воду, уходящую по желобу.

— Либо половина рассола исчезает до чанов, — сказал он, — либо половина соли не существует для короны.

Я провела пальцем по сухому краю страницы. Две одинаковые цифры могли быть ошибкой. Двойная разница была уже системой.

За три дня я получила молодое тело, долги, сорванное обручение и инспектора с правом закрыть единственный источник дохода.

Теперь к этому добавилась пропажа половины рассола.

Глава 5. Поместье без хозяина

На следующий день я начала с крыши.

Не с соляных ключей, не с долгов и даже не с Освальда, который за завтраком сообщил, что инспектор своими печатями окончательно погубит Ранваль. Крыша господского дома текла над западной галереей, крыша выпарного дома — над рабочей печью. Денег хватало на одну.

До обеда мы с Мартой, Эддой и старшим плотником обошли поместье. Северин уехал проверять дорогу к пристани и оставил двух стражников при архиве. Я не возражала. После вчерашних цифр его недоверие перестало казаться личным качеством и стало частью службы.

Господский дом был большим, холодным и устроенным так, будто прежние поколения боялись оказаться слишком близко друг к другу. В западном крыле стояли шесть гостевых комнат, музыкальная гостиная и зал с выцветшими охотничьими гобеленами. В трёх местах вода прошла под черепицу, намочила балки и оставила на потолке бурые разводы.

— До зимы нужно заменить половину покрытия, — сказал плотник. — Иначе весной придётся менять стропила.

— Сколько?

Он назвал двадцать восемь марок за работу и материал, если использовать хорошую черепицу. Девятнадцать — если перекрыть только повреждённые места деревом и смолой.

Марта тихо уточнила:

— В западном крыле обычно размещали гостей.

— В ближайшие месяцы гости переживут восточное.

— Граф Дорн должен был остановиться здесь после обручения, — добавил Освальд из дверей.

Он присоединился к осмотру без приглашения и шёл за нами с видом человека, который проверяет, насколько плохо новый управляющий обращается с его собственностью.

— Теперь графу придётся найти другую крышу, — сказала я.

— Ты собираешься принимать королевского инспектора в доме с закрытым крылом?

— Если он приехал проверять спальни, я допустила ошибку в документах.

Плотник уставился в пол. Марта сжала губы. Освальд не ответил, но дальше держался ближе, словно хотел лично услышать каждую растрату.

Хозяйственный двор выглядел хуже. В конюшне протекал желоб, зерновой амбар просел на один угол, у тележного сарая не закрывались ворота. Зато кухня, пекарня и колодец были в порядке. Люди поддерживали то, без чего нельзя прожить день, и бросали остальное. Не из лени. Когда денег мало годами, ремонт превращается в выбор между плохим и ещё худшим.

У деревни нас ждали несколько работников. Не толпа благодарных крестьян, а мужчины и женщины, которым четыре месяца недоплачивали. Они стояли у изгороди, не снимая шапок, пока Марта не назвала меня хозяйкой.

Тогда старший мужчина коротко поклонился.

— Нам сказали, вы приняли долги.

— Приняла.

— Значит, выплатите?

— Все сразу — нет.

По лицам прошла одинаковая неподвижность. Не удивление. Именно такого ответа они и ждали от дома Ранваль.

— В кассе шестьдесят три марки, — продолжила я. — Двести десять должны вам. Если отдам всё сегодня, через неделю остановится кухня, не будет дров и нечем будет чинить выпарной дом. Тогда остатка вы не получите никогда.

Женщина в тёмном платке спросила:

— А если оставите деньги себе, получим?

— Не знаю. Поэтому платежи будет записывать госпожа Мор. Сегодня закроем самые старые малые долги и выдадим часть остальным. После осмотра производства я предложу новый договор.

— Когда?

— Через два дня.

— А если не предложите?

— Тогда жалуйтесь инспектору. Он уже здесь и мне не родственник.

Кто-то тихо фыркнул. Не смех, скорее признание, что ответ хотя бы не похож на привычное обещание. Эдда открыла книгу и начала записывать имена и суммы. Первой подошла та самая женщина. Ей задолжали четыре марки за стирку мешков и работу в сушильне. Я выдала две.

Она пересчитала монеты и спросила:

— Остальное когда?

— В договоре будет срок. Пока могу обещать только то, что записано у нотариуса.

— Раньше тоже записывали.

— Поэтому старые книги теперь под печатью.

Она кивнула, но благодарить не стала. И правильно. Я не дарила ей деньги, а возвращала часть заработанного.

К полудню в кассе осталось сорок две марки. Двадцать одну мы распределили между пятнадцатью семьями, начиная с самых старых и малых долгов. Эдда заставила каждого поставить отметку рядом с полученной суммой. Те, кто не умел писать, прижимали к странице палец с чернилами.

— Вы сожгли треть наличных за утро, — заметил Освальд, когда последний работник отошёл.

— Вернула чужое.

— И что теперь будете чинить?

— Выпарной дом.

Мы продолжили обход. У амбара пришлось подпереть угол свежим бревном: если оставить до снега, перекосило бы дверь и зерно пришлось хранить в доме. Колодезный ворот скрипел, но был цел. В пекарне требовалась новая заслонка, зато печь тянула хорошо. На конюшне не хватало двух подков и сухой соломы; лошади выглядели лучше людей, потому что без них Освальд не мог ездить в город.

За деревней стояла заброшенная баня с проваленной трубой. Марта сказала, что прежде ею пользовались и работники промысла, и дворовые, но после смерти моего отца перестали чинить. Я внесла баню в список, хотя денег на неё сейчас не было. На солеварне люди работали с горячим рассолом, золой и мокрой одеждой. Без места, где можно нормально вымыться и согреться, болезни станут ещё одной статьёй расходов — только записывать их будут не в книгах, а на кладбище.

Эдда шла рядом и помечала каждое решение.

— Вы хотите, чтобы расходная ведомость была открыта работникам? — спросила она.

— Основная — да. Пусть видят, сколько пришло, сколько ушло на зарплату, дрова и ремонт. Не личные письма и не материалы проверки, только хозяйственные деньги.

— Дворяне обычно не показывают счета людям.

— В этом поместье дворяне уже показали, что умеют делать без свидетелей. Попробуем иначе.

Она ничего не сказала, но добавила внизу страницы: «копия для доски у конторы». Значит, сочла идею допустимой.

Старый большой дом стоял ниже источника. Издали ещё казалось, что его можно запустить после уборки. Вблизи стало ясно: одна треть крыши просела, у дальней стены потемнели балки, два желоба перекошились. Внутри лежали старые лопаты, корзины и разобранные деревянные настилы. Всё покрывала тонкая соляная пыль.

Плотник поднялся на чердак и вернулся быстро.

— Над рабочей частью можно перекрыть за шестнадцать марок. Если без новой черепицы, доской и смолой. До весны простоит.

— Делайте.

Освальд шагнул ко мне.

— Западное крыло начнёт гнить.

— Закроем двери, снимем ткань, подставим корыта. Весной посмотрим, что осталось.

— Ты публично признаёшь, что в доме нет денег даже на крышу.

Я оглянулась на рабочих, Эдду и плотника. Они и без моего признания видели дом, кассу и книги.

— В доме нет денег даже на крышу, — сказала я громче. — Поэтому сначала будет крыша над людьми и печами. Господские комнаты подождут.

Освальд ушёл раньше, чем плотник назвал срок. Достоинство западного крыла он переживал тяжелее, чем долг рабочим.

После его ухода мы составили первый расходный план. Шестнадцать марок — крыша. Пять — смола, верёвка и крепёж. Семь отвели на еду, четыре — на свечи и масло, пять — на срочный ремонт телеги, ещё пять оставили на непредвиденное. Даже молодое тело понимало, что это не план богатого хозяйства: к вечеру у меня ломило спину, пальцы дрожали от холода, а каждая новая цифра съедала ещё одну возможность.

Закрытие западного крыла тоже требовало работы. Снять шторы, перенести бельё, укрыть мебель, слить воду из умывальных кувшинов, чтобы зимой не лопнули. Марта предложила переселить меня в маленькую комнату рядом с кухонной лестницей: там одна наружная стена и меньше нужно топить. Прежней Лиоре полагалась парадная спальня, хозяйке с сорока двумя марками — помещение, которое можно согреть одной печью.

— Слуги будут говорить, что вас выгнали из собственных комнат, — предупредила Марта.

— Пусть говорят правду целиком: я сама переехала, потому что не собираюсь жечь дрова ради пустого коридора.

Эдда внесла и это решение в ведомость. Публичное признание бедности неприятно только в первый раз. Потом выясняется, что от него не падает потолок. Потолок падает, когда на его ремонт нет денег и все делают вид, будто есть.

Но впервые за четыре года деньги Ранваля пошли туда, где без них действительно останавливалась работа.

— Без мастера чаны всё равно не запустят, — сказал плотник, складывая доски для расчёта. — Торвен Ро ушёл после гибели рабочего. Другого такого здесь нет.

Плотник назвал дом у старой мельничной дороги. Марта уже посылала туда человека утром: передала, что хозяйка просит осмотреть выпарной дом и обсудить возвращение. Ответ вернулся короткий: Торвен больше не работает на Ранваль.

Слово «просит» в таких делах редко помогало. Человек, которому годами не платили и чьи предупреждения игнорировали, имел право не верить новому голосу из господского дома.

К вечеру Торвен всё же появился. Не ради меня — пришёл проверить, не начали ли плотники разбирать опоры у печей. Ему было за пятьдесят, широкоплечий, с обветренным лицом и белой солью в складках старого плаща. Он осмотрел доски, поговорил с плотником и только потом подошёл ко мне.

— Миледи хотела вернуть мастера.

— Хотела сначала понять, что нужно сделать и сколько это стоит.

— Теперь поняли?

— Поняла, что без вас могу только закрыть промысел красиво и по всем правилам.

Он посмотрел на проваленную крышу.

— При прошлом запуске я сказал, что большой чан нельзя топить. Приказчик велел. Барон подтвердил. Чан повело, рассол пошёл на настил. Рабочий не успел уйти.

Торвен говорил спокойно, без жалобы. От этого слова ложились тяжелее.

— У него остался сын, — добавил он. — А в книге написали, что рабочий нарушил порядок.

— Вы подпись поставили?

— Поставил. Что запуск разрешаю. Иначе меня бы сменили другим до вечера.

Он не пытался снять с себя вину. Именно поэтому я поверила.

— Я не буду просить вас забыть это, — сказала я. — Мне нужен осмотр, список опасных мест и условия, при которых вы согласитесь вернуться.

— Моё условие простое. Не вернусь.

— Даже по договору?

— Бумага не удержит кипящий рассол, если хозяин велит топить.

Торвен развернулся и пошёл к дороге.

У края двора он остановился, проверил, как плотники сложили доски, и только после этого ушёл. Даже отказавшись работать, он не мог пройти мимо опасной опоры. Значит, дело для него ещё не умерло. Умерло доверие к дому Ранваль.

Я не остановила его. Пока у него не было ни одной причины считать меня лучше прежних хозяев. Слова такую причину не создавали.

Глава 6. Чан, который нельзя зажигать

На шестой день моего хозяйствования старый приказчик решил, что промыслу срочно требуется подвиг.

К завтраку он прислал записку: крыша над рабочей частью выпарного дома закрыта, желоб промыт, большой чан наполнен водой для пробного нагрева. Если разжечь печь до полудня, к вечеру станет ясно, можно ли начинать работу.

Слово «пробного» выглядело особенно успокаивающе. На прежнем комбинате им тоже любили прикрывать действия, после которых комиссии оставалось только выяснить, кто именно разрешил пробовать.

Я дочитала записку и спросила Марту:

— Кто дал ему право наливать чан?

— Он считает, что остался приказчиком до окончания проверки.

— Считать полезно. Сегодня узнает, что ещё полезнее читать распоряжения.

Эдда была в архиве, Северин вернулся с пристани перед рассветом и спал не больше трёх часов. Будить его ради чужой самостоятельности мне не хотелось. Я надела тёплое платье, короткий плащ и впервые отказалась от помощи Марты на лестнице. Слабость после Нижнего ключа почти прошла, но молодое тело всё ещё обманывало лёгкостью: шагало быстро, уставало тоже быстро.

У выпарного дома уже дымила растопка.

Плотники закончили временную кровлю над двумя печами. Новые доски светлели рядом со старым почерневшим деревом, щели промазали смолой, с балки свисали свежие верёвки. Внутри стало суше, зато запах сырого камня смешался с дымом и старым рассолом. У большого чана стояли трое работников. Один носил щепу к печи, второй проверял заслонку, третий держал длинный шест.

Приказчик встретил меня у входа. После двух дней ревизии он заметно осунулся, но привычки распоряжаться не потерял.

— Миледи, всё подготовлено. Воду налили только до трети. Никакого риска.

Я спросила, осматривал ли чан Торвен. Приказчик начал с того, что Торвен Ро больше здесь не служит, и лишь после моего повторного вопроса признал: мастера не звали. По его словам, до Торвена на промысле работали другие люди, а значит, особой необходимости в нём не было.

Один из мужчин у печи опустил глаза. Второй отвернулся к заслонке. Никто не спешил подтвердить слова приказчика.

Я подошла ближе. Чан был шире обеденного стола и почти по грудь мне высотой. Медные листы потемнели от времени, по боку тянулись старые швы и заплатки. Под ним чернела устье печи. Огонь пока не горел, но щепка уже лежала на углях, а у стены стояла корзина сухих поленьев.

— Кто проверил опоры?

— Плотники укрепили настил.

— Я спрашиваю о чане.

Приказчик вздохнул, как человек, которому приходится объяснять очевидное ребёнку.

— Миледи, если ждать Торвена, мы потеряем ещё несколько дней. Осенняя ярмарка ждать не будет. Вы сами требовали начать работу.

— Начать работу и начать аварию — разные поручения.

— Чан держал рассол много лет.

— И в прошлый раз рабочего обварило.

В помещении стало тише. Шест в руках мужчины едва слышно стукнул о камень.

Приказчик оглянулся на работников.

— Прошлая беда произошла из-за нарушения порядка. В книге всё записано.

— Книги сейчас под печатью как раз потому, что им нельзя верить без проверки.

Он поджал губы.

— В таком случае вы можете остановить любое дело, сославшись на старые записи.

— Могу. До тех пор, пока не отвечу за последствия своим именем и чужими жизнями.

Я обошла чан. С дальней стороны пол был недавно выметен, но у каменной опоры сохранилась тонкая полоска белой пыли. Одна ножка чана стояла на новой дубовой подкладке, остальные — на старом камне. Подкладка была сухой и светлой, будто её поставили сегодня утром.

— Зачем это?

Мужчина с шестом ответил раньше приказчика:

— Чан качался, миледи.

— Немного, — перебил приказчик. — Дерево выровняло.

Я присела. Между дубом и металлической опорой оставался зазор толщиной с ноготь. Если металл при нагреве поведёт, нагрузка ляжет неравномерно. Я не знала, как устроены местные чаны и насколько расширяется медь, зато прекрасно знала, чем заканчивается оборудование, которое «выровняли» подручным куском дерева.

— Воду слить, — сказала я. — Растопку вынести.

Приказчик побледнел от злости.

Приказчик напомнил, что на слив и повторную подготовку уйдёт весь день. Я согласилась. По его мнению, женщина, принявшая долг в тысячу восемьсот марок, не могла позволить себе терять время из-за деревянного клина.

— Я теряю день не из-за клина. Его уже потерял человек, который налил чан без разрешения мастера.

Один из работников уже потянулся к сливному желобу, но приказчик остановил его жестом.

— Если каждый рабочий станет ждать отдельного приказа хозяйки, промысел не заработает.

— Рабочие будут выполнять распоряжения мастера. Пока мастера нет, опасные работы не начинаются. Сливайте.

Он не двинулся.

В этот момент у входа раздался голос Северина:

— Вы слышали леди Ранваль.

Инспектор стоял в дверях без дорожного плаща, в тёмном сюртуке, застёгнутом не на все пуговицы. Вид у него был такой, будто короткий сон не сделал его добрее, но вернул способность говорить официально.

Приказчик повернулся к нему.

— Промысел находится под проверкой, милорд. Пробный нагрев нужен для описи состояния.

— В моём распоряжении о пробном нагреве ничего нет.

— Но без него невозможно определить исправность.

— Возможно, — ответил Северин. — После осмотра мастером и письменного допуска.

Приказчик понял, что спор закончился. Рабочие открыли слив. Вода пошла по желобу к отстойнику, сначала тонкой струёй, затем сильнее. Я стояла рядом, пока уровень не опустился ниже половины.

На стенке чана проступила тёмная дуга. Не трещина — след старого ремонта, почти скрытый налётом. Я провела пальцами по холодному металлу.

Сначала ничего не произошло. Потом ладонь словно коснулась зимнего окна. Холод вошёл в кончики пальцев и потянулся тонкой линией вдоль шва. Под заплатой что-то было не так: не пустота и не движение, а неверное соотношение, будто одна сторона держала больше, чем должна.

Я отняла руку.

Пальцы онемели, хотя в помещении было тепло от растопки.

— Здесь разбирали шов? — спросила я.

Приказчик посмотрел на место, которого я коснулась.

— Обычная заплата. Ей несколько лет.

— Тогда почему налёт вокруг свежий, а по краю его почти нет?

Северин подошёл ближе, но к металлу не прикоснулся. Провёл ногтем по границе заплаты, осмотрел ладонь.

— Соль снимали недавно.

— Чтобы проверить, — сказал приказчик.

— Кто проверял?

Ответа не последовало.

Я попросила принести молоток с деревянной рукоятью. Один из работников осторожно простучал бок чана. Звук менялся у нижнего края заплаты: выше был звонче, ниже становился глухим. Даже я услышала разницу.

— Разбираем, — решила я.

— Без Торвена никто не снимет лист, — сказал старший работник. — Можно повести весь бок.

— Тогда снимем только обшивку печи и посмотрим снизу.

Приказчик шагнул вперёд.

— Миледи, вы не понимаете устройства.

— Именно поэтому не разрешаю топить.

Северин посмотрел на меня, затем на рабочих.

— Разбор проводить под запись. Ничего не выбрасывать. Госпожа Мор должна присутствовать.

Эдду вызвали из дома. Пока ждали, воду слили полностью, угли вынесли во двор, пол вокруг печи очистили. Потерянный день становился вполне настоящим: люди, которые могли чинить крышу и желоба, разбирали кладку; дрова лежали без дела; запуск отодвигался ещё дальше.

Мне хотелось ускорить работу и одновременно не вмешиваться туда, где я ничего не понимала. Это оказалось труднее, чем командовать. Руководитель легко привыкает считать своей обязанностью каждую минуту чужого труда, особенно когда денег мало. Но после слов Торвена я не имела права повторять старый порядок только в более разумном тоне.

Эдда пришла с книгой и двумя свидетелями. Камни у основания печи снимали по одному. За ними обнаружилась нижняя часть опоры и медный край, которого сверху не было видно.

Повреждение нашли через час.

Старая заплата закрывала длинную трещину, а под ней металл истончился почти вдвое. Ещё хуже было другое: одну из скоб, стягивавших листы, подпилили у самого крепления. Снаружи она держалась. При нагреве могла лопнуть.

Старший работник присвистнул и тут же перекрестился.

— Когда это сделали? — спросил Северин.

— По цвету не скажу, — ответил он. — Но подпил свежий. Соли в нём мало.

Приказчик стоял у стены, слишком прямо держа спину.

— Я ничего об этом не знал.

Северин не стал обвинять его. Попросил Эдду записать слова, велел опечатать снятую скобу и запретил приказчику входить в выпарной дом без сопровождающего.

— Меня отстраняют? — спросил тот.

— От опасных работ — да, — сказала я. — За книги и расчёты ответите отдельно.

— Вы разрушаете управление из-за одного повреждения.

— Управление уже разрушено. Я пока только нахожу обломки.

Он ушёл, не поклонившись. Работники проводили его молча. Никакого торжества не было. Если человек много лет отдавал приказы, его удаление не превращало хозяйство в исправное. Наоборот, оставляло пустое место, которое кто-то должен занять.

К вечеру мы знали следующее: большой чан запускать нельзя; ремонт без опытного мастера опасен; малый дом может работать отдельно, но его производительности не хватит для долгов. Потерянный день обернулся доказательством, что спешка стоила бы гораздо дороже.

Северин задержался у печи, пока Эдда уносила опечатанную скобу.

— Вы заметили след на металле, — сказал он.

— Заметила свежий налёт и неровную опору.

— Сначала вы указали на заплату.

Пальцы всё ещё оставались холодными. Я спрятала руку в складках плаща.

— Она выглядела подозрительно.

Он не стал спорить, но взгляд задержал. Видимо, объяснение его не вполне устроило. Моё — тоже.

— Вчера Торвен отказался возвращаться, — продолжил Северин. — Сегодня вы подтвердили его правоту.

— Подтвердила слишком поздно для погибшего рабочего.

— Но вовремя для тех, кто стоял у печи сегодня.

От него это прозвучало не утешением, а точным итогом.

Я посмотрела на дорогу, уходящую вверх к старой мельнице. До темноты оставалось около часа.

Я попросила заложить телегу. Северин уточнил, действительно ли я собираюсь к Торвену сейчас, до темноты.

— Утром у меня были слова. Теперь есть разобранный чан и подпиленная скоба. Разница существенная.

Северин предложил отправить стражника. Я отказалась. Торвен уже видел достаточно господских посланников, которые привозили чужие обещания. Если я хотела, чтобы он вернулся под мою ответственность, говорить следовало самой.

Через четверть часа телега выехала со двора. Я взяла Эдду, копию протокола и снятую скобу в опечатанном мешке.

День мы потеряли.

Зато впервые промысел остановили не потому, что кончились деньги, люди или рассол, а потому, что человеческая жизнь оказалась важнее срока.

Глава 7. Договор с теми, кому должны

До дома Торвена мы добрались уже в сумерках. Он стоял у старой мельничной дороги, за низким каменным забором. Когда-то стены белили, но известь давно сошла, а на крыше вместо двух сломанных пластин лежали прижатые камнями доски. Во дворе сохли связки трав, под навесом были аккуратно сложены инструменты. Бедность здесь не изображали и не прятали. С ней просто жили, стараясь не дать ей превратиться в разруху.

Торвен вышел прежде, чем телега остановилась.

Он увидел меня, Эдду и опечатанный мешок у ног стражника, но приглашать в дом не стал.

— Я вчера ответил.

— Вчера вы отвечали дому, который снова собирался топить неисправный чан. Сегодня его разобрали.

Эдда протянула копию протокола. Торвен читать умел. Он взял лист, просмотрел запись о трещине, затем о подпиленной скобе. На последних строках пальцы у него сжались сильнее.

Торвен спросил, кто остановил запуск и успели ли разжечь печь. Я ответила, что остановила сама, до огня, хотя из-за этого мы потеряли день.

— День ещё можно потерять.

Он вернул протокол, но взгляд у него изменился. Не потеплел — просто перестал быть закрытым.

Из дома вышел мальчик лет десяти с ведром золы. Худой, в большой шерстяной куртке, рукава подвёрнуты дважды. Он посмотрел на меня без любопытства и высыпал золу у забора.

— Томми, внутрь, — сказал Торвен.

— Мне ещё кур кормить.

— Покорми с заднего двора.

Мальчик ушёл, не поклонившись. Я не обиделась. Его отец погиб на промысле, а дом Ранваль записал покойника виноватым. Хорошие манеры в такой семье не обязаны были распространяться на хозяйку.

— Я приехала не просить вас поверить мне, — сказала я. — Мне нужен мастер, который имеет право остановить печь. Письменное право, не зависящее от моего настроения.

Торвен посмотрел на Эдду и спросил, действительно ли она запишет такое условие. Нотариус ответила, что запишет всё, о чём стороны договорятся.

— Господские договоры обычно хороши до первого пустого кошелька.

— Поэтому сначала поговорим о пустом кошельке. Ранваль должен рабочим сто восемьдесят девять марок. В кассе после утверждённых расходов осталось пять на непредвиденное. Других свободных денег нет.

Торвен коротко сказал, что при таких условиях договора не получится. Я согласилась: если ему нужна вся сумма сегодня, предлагать мне нечего.

Он уже собирался отвернуться, но Эдда раскрыла папку.

— Леди Ранваль предлагает признать долг перед каждым работником отдельно, — сказала она. — С указанием срока, очередности платежей и права взыскания из первой законной выручки.

— Из выручки, которой ещё нет.

— Да, — ответила я. — Поэтому вы рискуете. Я тоже. Если отдам вам землю или источник в залог, хозяйство достанется следующему кредитору и мы вернёмся к тому же месту. Могу предложить другое.

Торвен скрестил руки на груди.

— Говорите.

— Пять марок сегодня идут не мне и не вам. Их делят семьи, у которых до конца недели нет хлеба или топлива. Остальной старый долг не исчезает. Из каждой продажи сначала оплачиваем текущие дрова, перевозку и недельную работу. После этого треть остатка — на старые долги, пока не закроем все сто восемьдесят девять марок. Очередность — от самых ранних задолженностей, ведомость открытая.

— А дому?

— Что останется после обязательных расходов и этой трети.

— На словах красиво.

— Поэтому госпожа Мор поставит печать. И добавит ещё два условия. Мастер имеет право остановить печь при опасности без потери платы. Хозяйка не может отменить остановку устным приказом. Возобновление — только после подписи мастера и двух работников смены.

Он долго смотрел на меня, затем спросил:

— А если мастер ошибся?

— Потеряем время. Если хозяйка ошиблась и приказала продолжать, можем потерять человека. Я выбираю первую ошибку.

Торвен взял у Эдды чистый лист, но не стал читать заготовку.

— Рабочие не вернутся только потому, что я подпишу.

— Я и не прошу вас подписывать за них.

— Тогда зачем приехали сюда?

— Чтобы вы помогли составить список тех, кто умеет работать с чанами, печами и желобами. Я поговорю со всеми. Кто не согласится, того не принуждаем и долг не отменяем.

Торвен прямо сказал, что я не знаю солеварения, но всё равно собираюсь управлять промыслом. Спорить с первой частью было бессмысленно.

— Управлять — не значит уметь всё руками. Нужно знать, кто умеет, дать ему полномочия и потом не мешать работать. Иногда ещё найти деньги. С последним пока хуже.

На этот раз Торвен почти улыбнулся, но сразу снова стал серьёзным.

— Приказчика убрали?

— От опасных работ. Северин продолжает проверять его записи.

— Освальд всё ещё в доме?

— Пока да.

— Значит, он будет давить через кухню, конюшню, поставщиков и людей, которым должен сам.

— Значит, договор нужно составить так, чтобы его нельзя было отменить из господской столовой.

Мы проговорили почти час на холодном дворе. Торвен требовал текущую плату каждую неделю, отдельную запись за ночные смены, горячую пищу у печей и запрет привлекать детей к тяжёлой работе. Я согласилась. Отказалась только от его требования сначала выплатить долг мастерам, а потом остальным. Старые долги должны были идти по дате и нужде, а не по важности профессии.

— Без мастеров вы ничего не получите, — сказал он.

— Без женщин, которые стирают мешки и носят еду, тоже. Долг не становится меньше оттого, что работа была тише.

Эдда подняла голову от листа.

— Это условие придётся прописать отдельно. Иначе очередность можно будет оспорить.

— Пропишите.

Торвен помолчал, потом кивнул.

На следующее утро он привёл нас не в дом, а в старую мельничную кладовую у дороги. К полудню там собрались двенадцать человек: четверо бывших солеваров, две женщины из

сушильни, трое возчиков, плотник, истопник и пожилой мужчина, следивший за отстойниками. Они пришли не на собрание подданных, а на переговоры с должником.

Я начала с цифр.

— Ранваль должен вам сто восемьдесят девять марок. Сегодня у меня есть пять. Если кто-то услышит в этом обещание немедленно рассчитаться, госпожа Мор может сразу меня поправить.

— Немедленно рассчитаться вы не можете, — сказала Эдда.

— Вот видите. Нотариус у нас строгий, зато память у бумаги хорошая.

Никто не засмеялся. Один возчик спросил, почему они должны снова работать на хозяйство, которое уже не заплатило.

— Не должны, — ответила я. — Старый долг признаётся независимо от вашего решения. Вернётесь вы или нет, он останется в ведомости.

Женщина из сушильни подняла руку, будто в школе.

— А если первая партия не продается?

— Текущая недельная плата всё равно станет новым долгом с первым сроком взыскания. Но я предлагаю начинать только с малого дома и одной смены, чтобы не накопить больше, чем можем вынести.

— Значит, работать будем вполсилы?

— Вполсилы лучше, чем бесплатно в полную.

Торвен развернул на столе схему выпарного дома. Дальше говорил он: какие желоба нужно промыть, что можно запустить без большого чана, сколько людей требуется на смену, где опасны опоры. Я слушала и записывала. Когда он называл местные детали, которых я не знала, просила показать на схеме. Никто не делал вид, что хозяйка обязана понимать всё с первого слова.

Пять марок распределили между тремя семьями. Не поровну: одной требовались лекарства, другой — мука, у третьей кончились дрова. Решение принимали сами работники при Эдде. Это было разумнее, чем если бы я назначала самых несчастных по выражению лица.

До подписания поднялся ещё один вопрос. Погибший рабочий по старой книге числился нарушителем, а его семье из-за этого не выплатили последнюю неделю и помощь на похороны. Томми стоял в дверях кладовой и слышал разговор, хотя Торвен дважды велел ему уйти.

— Вы исправите книгу? — спросил мальчик.

В помещении сразу стало теснее. Все смотрели на меня, но готового хорошего ответа не было. Я могла прямо сейчас зачеркнуть ложную запись и получить благодарность. Только книга находилась под королевской печатью, а доказательства ещё проверялись. Если изменить её без процедуры, Северин получит испорченный документ, а Освальд — возможность объявить исправление подделкой.

— Сама не имею права, — сказала я. — Госпожа Мор внесёт отдельное требование о пересмотре записи. Протокол повреждённого чана и показания мастера приложим к делу.

— Значит, опять потом, — сказал Томми.

— Да. И я понимаю, почему тебе это не нравится. Но если я сейчас перепишу строку своей рукой, её потом отменят вместе со всем делом.

Он сжал губы и вышел. Не поверил. Возможно, и не должен был. Торвен проводил внука взглядом, затем сказал:

— Добавьте в договор: деньги, которые должны его отцу, не зависят от решения по вине. Работа сделана.

— Добавим, — ответила Эдда.

Эта поправка задержала нас ещё на четверть часа. Зато в ведомости впервые отделили оплату труда от того, как прежние хозяева решили объяснить смерть работника.

После этого каждый читал договор или слушал, как его читает нотариус. Двенадцать человек поставили подпись или отметку. Срок — четырнадцать дней испытательной работы. Торвен подписал последним.

— Я возвращаюсь мастером на две недели, — сказал он. — Не вашим человеком.

— Мне нужен мастер, а не мой человек.

Торвен ещё раз перечислил условия: если я отменю остановку или после первой продажи не будет денег, уйдут все двенадцать. Эдда показала соответствующие строки. Повторять обещание вслух я не стала — бумага уже сказала за меня.

Он поставил подпись.

На обратном пути я впервые за много дней позволила себе подумать, что промысел действительно может заработать. Не из-за внезапной любви двенадцати человек к новой хозяйке, а потому, что теперь у каждого имелась причина проверить, выполню ли я условия.

У выпарного дома нас встретила Марта. Она стояла рядом с пустым дровяным навесом.

Ещё вчера там лежал запас сухих поленьев на несколько растопок. Теперь осталась только кора, щепы и два сырых бревна у стены.

— Когда вывезли? — спросила я.

— Ночью или рано утром. Сторож говорит, что видел телегу с разрешением приказчика. Бумага была со старой печатью Ранваля.

Эдда сняла перчатки.

— После объявления хозяйского года старая печать не даёт права распоряжаться запасами.

— Сторож этого не знал, — сказала Марта.

Торвен вошёл под навес, поднял щепу и растёр между пальцами.

— Без сухих дров малый чан не запустим.

Договор у меня был. Работники тоже.

Только топить печи оказалось нечем.

Глава 8. Дрова дороже соли

К утру восьмого дня я узнала, что в округе есть пять крупных поставщиков дров и ни один из них не желает иметь дело с Ранвалем.

Первый ссылался на старый долг. Второй — на отсутствие свободных подвод. Третий сообщил, что весь зимний запас уже продан графу Дорну. Четвёртый вообще не прислал ответа, хотя его двор находился в двух часах езды. Пятый прислал приказчика, который долго объяснял, насколько сочувствует нашему положению, а затем предложил цену в три раза выше прошлогодней и оплату вперёд.

— Это не цена, — сказала я, когда он закончил. — Это способ купить наш промысел по частям.

— Лес нынче дорог, миледи.

— Вчера он был дешевле?

— Вчера у вас были свои дрова.

Он поклонился и уехал, оставив после себя запах хорошего табака и уверенность, что к вечеру я соглашусь.

Северин выслушал мой пересказ в конторе у промысла. На столе перед ним лежали копии отказов, старый список поставщиков и карта дорог. Он провёл пальцем по печати третьего торговца.

— Формального сговора пока нет. Каждый имеет право продать лес тому, кому считает выгодным.

— Пять человек одновременно решили, что я невыгодна.

— Возможно. Но я не могу приказать частным владельцам торговать с вами.

— Даже если граф Дорн скупил весь запас вокруг промысла?

— Даже тогда. Монополия на поставки ещё не доказывает преступления.

Мне не понравился ответ, но он был честным. В прежней жизни я встречала руководителей, которые обещали решить вопрос одним звонком, а потом присылали юриста объяснить, почему звонок не считается обязательством. Северин хотя бы сразу называл границу своих полномочий.

— Значит, крупных вычёркиваем, — сказала я. — Кто продаёт мало?

Он поднял взгляд.

— Мало чего?

— Дров. Не лес на весь сезон. Остатки после расчистки садов, сухостой, валежник, старые балки, если они не гнилые. Люди, у которых нет двадцати подвод, но есть одна или две.

Торвен, стоявший у окна, повернулся к нам.

— На сыром хворосте соль не сваришь.

— А на пустом навесе?

— Тоже.

Мы разложили карту. Большие лесные владения тянулись к северу и западу. Между ними были маленькие фермы, старые сады, две заброшенные усадьбы и общинный лес, где разрешалось собирать только упавшие деревья. У Ранваля оставался собственный участок, но после незаконной вырубki Северин запретил брать оттуда что-либо до описи.

— Я могу снять запрет на валежник после осмотра, — сказал он. — На живой лес — нет.

— Этого хватит на растопку?

Торвен покачал головой.

— На один день. И то если сухой.

— Тогда нужен десяток маленьких сделок вместо одной большой.

Эдда, вошедшая с новой ведомостью, услышала последние слова.

— Десяток договоров обойдётся дороже одного.

— Промысел, который не работает, обходится ещё дороже.

К полудню мы разделили дорогу. Северин отправил стражника осмотреть общинный лес и наш участок. Марта разослала людей к мелким владельцам. Я поехала сама к трём ближайшим.

Первой была вдова, у которой прошлой зимой буря свалила часть яблоневого сада. Поленья лежали под навесом, сухие и короткие. Для больших печей неудобные, зато для малого дома подходили. Она не хотела брать обещание Ранваля и потребовала серебра.

Серебра не было.

— Могу предложить соль из первой партии по цене ниже рыночной, — сказала я. — Не всю оплату. Половину солью, половину через семь дней после продажи.

— А если соли не будет?

— Договор даёт вам право забрать телегу из хозяйственного двора.

— Которую вы вчера чинили?

Новости здесь ходили быстрее почты.

— Её.

Женщина осмотрела мою телегу, колёса и лошадь, затем согласилась на одну подводу. Цена вышла выше обычной почти на четверть. Зато дрова существовали и не принадлежали графу Дорну.

Второй хозяин держал старую сукновальню. У него лежали высушенные обрезки дубовых балок после ремонта плотины. Он сперва отказался: не хотел ссориться с крупными лесными торговцами. Тогда я предложила не скрывать сделку и вписать в договор точное происхождение каждой партии.

— Они узнают, — сказал он.

— Они и так узнают. Вопрос только в том, будете ли вы выглядеть как человек, тайком помогавший мне, или как владелец, законно продавший собственный товар.

Он подумал и выбрал второе. Две небольшие подводы, оплата после первой продажи, право прекратить поставку без штрафа.

Третий владелец оказался труднее. У него был сухой березняк, но он требовал двойную цену и место в очереди на соль. Я отказалась. Он проводил меня до ворот и, видимо, был уверен, что к вечеру я вернусь.

Я не вернулась.

Вместо этого Марта нашла двух семейных хозяев, которые собирались разобрать старый сарай. Торвен осмотрел балки и отбраковал половину как пропитанную плесенью. Остальное годилось после распила. Платить они согласились частью солью и новым настилом для сарая весной. Плотник Ранваля оценил работу и подтвердил, что сделка не разорит нас позже.

Первые две подводы проверяли прямо во дворе. Торвен расколол несколько поленьев и показал мне тёмную влажную середину. Снаружи дерево казалось сухим, внутри хранило воду. Если сложить всё вместе, хорошая партия быстро отсыреет, а печь начнёт есть вдвое больше.

Мы разделили навес на три части: сухое — к первой растопке, сомнительное — на просушку, сырое — вернуть или принять по сниженной цене. Возчик первой вдовы возмутился, что никто прежде не раскалывал товар на глазах у продавца.

— Прежде у нас и половина рассола исчезала без записи, — сказала я. — Теперь будут раскалывать.

Эдда внесла правило в приёмную ведомость. Каждая подвода получала номер, источник, примерный вес и отметку Торвена. Если позже окажется, что из сырого леса выросли сухие цифры в расходах, искать виновного придётся не по воспоминаниям.

Работникам новый порядок тоже не понравился. Приказчик раньше принимал дрова общим объёмом, а теперь требовалось разгружать отдельно и складывать так, чтобы между

рядами ходил воздух. Работа прибавлялась, плата — пока нет. Мы добавили к текущей смене отдельную небольшую ставку за приём и распил. Ещё один расход, которого хотелось избежать. Но экономия на учёте уже однажды оставила промысел без навеса.

К концу второго дня у нас было обещано пять малых подвод и разрешён сбор сухого валежника. Для большого чана этого не хватало. Для малого — можно было попробовать.

Торвен изменил график печей. Раньше огонь держали почти непрерывно, тратя много древесины на пустые промежутки между партиями. Теперь рассол должны были подавать только после отстоя, работать одной сменой дольше, но без ночного поддержания слабого огня, а горячий чан закрывать деревянными щитами, чтобы медленнее остывал.

Торвен предупредил, что выход уменьшится примерно на четверть. Зато дров потребуется почти на треть меньше. Я пересчитала в уме и согласилась: при нашем навесе выбирать приходилось не самый большой выход, а тот, для которого хватит топлива.

Один из работников возразил, что раньше за малый выход приказчик удерживал плату. Эдда открыла договор и прочитала условие: текущая плата зависела от смены, а не от веса партии, если работники соблюдали технологию мастера.

Торвен впервые посмотрел на подписанную бумагу без раздражения.

— Тогда начинаем так, — повторил он.

На десятый день первые подводы пришли к промыслу. Поленья были разной длины, часть требовала распила, ни одна партия не выглядела так красиво, как полный навес ровного сухого леса. Зато у каждой имелся договор, имя владельца и отметка Эдды. Даже Северин признал, что проверить происхождение можно до последней балки.

Цена оказалась неприятной. За тот же объём мы платили почти на треть больше прошлогоднего. Кроме того, половина поставщиков хотела расчёта сразу после первой продажи, прежде работников по старому долгу.

Мы с Эддой перестроили очередь платежей: текущие дрова и перевозка — первыми, иначе следующей партии не будет; затем недельная плата; после — треть остатка на старый долг. Работникам пришлось прочитать изменение и подтвердить его. Двое были недовольны, но Торвен объяснил: без топлива нечего делить.

— Получается, дрова дороже соли, — сказала женщина из сушильни.

— Пока да, — ответила я. — Поэтому первая партия должна быть не большой, а такой, за которую заплатят больше.

Торвен посмотрел на меня настороженно.

— Не начинайте придумывать новую соль до первого запуска.

— Не начну. Сначала сделаем обычную как следует.

К вечеру малый чан был готов. Желоб промыт, отстойник очищен, печь проверена. Работники разошлись отдыхать перед первой сменой. Я стояла у дровяного навеса и считала подводы, когда со стороны господского дома донёсся стук копыт.

По дороге спускался всадник на сером жеребце. За ним ехали две телеги, доверху нагруженные ровными сухими поленьями.

Мужчина остановил коня у конторы и легко спрыгнул на землю. Высокий, светловолосый, в дорогом дорожном плаще, который каким-то чудом не собрал на себя ни одной капли грязи. Чужая память узнала его раньше меня и отозвалась тёплой неловкостью.

Люциан Вейр снял перчатку и улыбнулся так, будто приехал не к разорённому промыслу, а на праздник, который устроили специально ради него.

— Лиора, — сказал он. — Мне передали, что тебе опять никто не помогает как следует.

Я посмотрела на две телеги сухого дуба.

Дуб был сухим, договор — неизвестным. Прежде чем радоваться, следовало выяснить, кому на самом деле принадлежали телеги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.